

ДЖОН ЧИАРДИ

*С английского **

Прибывающий домой поездом в пять двадцать две

Цветущий, ладно скроенный мужчина
соскакивает с поезда, пока
тот замедляет ход. Прыжок — причина
тупой и краткой боли, что слегка
схватила тазобедренный сустав.
Мужчина горд, на землю твердо став.

— Удачно. Безусловно, не рекорд,
но все же ловко, так или иначе.
Я кое-что могу, и этим горд. —
И он шагает, радуясь удаче;
он не живет вчерашним днем. О, нет!
Мужчина с темпераментом. Атлет.

Как этот глупый розовый толстяк
мною овладел? В мою оделся шкуру?
Но он — не я. Я начинал не так,
но все же стал им, влез в его натуру.
Когда пропал я? Правду мне скажите,
живые соучастники событий, —

нет, не страшитесь истины, друзья,
пусть даже страх не будет страшен вам.
Он кое-что дает. Недаром я
без страха мог внимать своим словам,
я знал, с меня не спросят никогда.
Мир остается вашим, господа,

для соучастников на свете много
земли. Не унывайте: мир живет.
— Я говорил об этом даже Богу:
но что ему пошляк и идиот?
Я недоволен был, я все менял,
но я для времени был слишком мал.

* Джон Чиарди — Стихи (Перевод с английского Е. Витковского, А. Сергеева) // Современная американская поэзия (М.: Прогресс, 1975), 327–335.

Некоммерческое электронное издание. «Im Werden Verlag», 2008.
<http://imwerden.de>

Переменял я множество личин
и оказался куклой безымянной.
Оконная замазка, пластилин,
моча на древо влезшей обезьяны,
прокисшее вино в бурлящей пене,
что выдает себя за дождь весенний.

Итак: горилла в кроне баобаба.
Внизу — стоит ботаник. Прилипала,
что пристает к подолу каждой бабы.
Пчела, в висок вонзающая жало.
Амбицией пропитанная морда.
Ученый олух, шествующий гордо.

Я сбрасывал личины каждый раз,
Пытаясь вскрыть мозги. Карандашом
отметить центр, пускай в последний час.
Но карандаш с затупленным концом —
ничто. Он щепка мертвая, пока
его не заострит моя рука.

И карандаш в руке — всего лишь весть
о том, кого желал бы видеть Бог,
когда бы переделал все, что есть,
когда бы соскрести личины мог,
счищал бы и счищал бы — до конца,
до собственного ясного лица,

до черепа, который сохранится
в его творении. До костяка.
Печальный череп: темные глазницы,
где кроются два светлых голубка,
где солнца поднимаются со дна,
где плещет океанская волна.

И некий центр проступит постепенно,
в котором все сошлось: и этот шут,
шагающий вперед, — бедро, колено,
брюшко и кошелек, что выдают
пустую позу Жирного Гимнаста —
воспитанника новой, высшей касты.

— Забыл. Горилла все еще видна
в любом лице, в строенье черепов.
Я кашляю, как кашляла она,
и это ближе дедов и отцов:
она потомок мой и предок мой.
И мы — ничто пред болью родовой.

Лица

Однажды я добирался на попутных от Анн Арбора до Бостона, и в Кенандейгве, в разгар декабря, когда полная ночь упала на ветер, дробивший камни и секший щеки снежной крупой, возле ночного бара меня окликнул голос из «бьюика»: — Лезь сюда! Замерзнешь! —

Через четыре-пять миль мы остановились в ледяной пустыне зимы, черной, как свиная утроба. — Ну, я поехал назад, — сказал он. Я огляделся — пусто. — Дорога вон там, — сказал он.

Когда же я вылез, он развернул машину, подъехал ко мне и сказал: — А ты забыл меня поблагодарить. — Благодарю, — сказал я, стараясь носком ботинка отколупнуть примерзший камень. Но он не стал дожидаться. Он помахал рукой: — Всегда рад помочь, брат. А сдачу возьми на память. — Он хлопнул дверцей и укатил — Назад в Кенандейгву.

Я долго думал о нем, до костей промерзнув на ледяном ветру в снежной крупе. Наконец меня подобрал грузовик весь в огнях, как лайнер.

И вот в течение добрых лет двадцати я в мыслях встречаю его — кто б он ни был, кто ни есть, ведь лица его я не видел, только тень — добрых двадцать лет я встречаю лица, которые могли бы подойти ему. Особенно много таких было в армии. Но не только в армии. На любой вечеринке может открыться дверь — и войдет: — Добрый вечер. — И вот я смотрю на лицо и мыслями там, на ледяном ветру.

Вы спросите: — Что? Почему? — Но земля принадлежит всем, кто на ней живет. Вы знаете об этом лице ровно столько же, сколько и я.

Говорит завоеватель

Что, просто? — быть все годы начеку,
Знать план врага подробней, чем он сам,
Не верить ничему, жить раздвоясь,
Быть на виду и действовать во тьме?
Совсем не просто: это образ жизни.

Я вслушивался: побеждает тот,
Кто лучше слышит. Женщина болтает.
Мужчина — верный — выдает на дыбе.
Я жил с одной, подслушивал другую,
Я гнил в своей грязи — но победил!

Дни мчались. Пушечное мясо стало
Моим любимым блюдом. Десять тысяч
Коней распотрошенных рассыпались —
Сердца взрывались, подгибались ноги,
И крупы, содрогаясь, цепенели.

Людей не помню. Помню лишь коней.
Лавина разъяренная катилась
И осыпалась медленно, по камню.
Поток вставал и опадал в огне.
Безумная «тревога» запоздала —

В заторах тучами стрекочут стрелы,
И в небе словно кружатся скворцы.
Когда я вспоминаю о победе,
На ум идет лишь потемневший день
Да мертвый выпученный глаз коня.

Я понял: люди воевали против
Коней. А кто погиб — погиб случайно,
Он кровь коня пытался оседлать.
Здесь не было ни битвы, ни победы —
Лишь поле и разбросанные кони.

Я мир презрел, но был его владыкой:
Мной царство правило. Смутьяны сникли.
Ночь гоготала. Тьмы и тьмы коней
Взметались, как огонь, неся мне гибель.
Я победил и не начав войны.

Мои клубком свернувшиеся грозы
Врагов громили сами. Я познал:
Победа — это только образ жизни.
Я вслушиваюсь и храню корону —
И нет конца тому, что начал я.

Стул, заваленный нашим тряпьем

Все это было и стало сном
(Я чмокнул покойницу и улизнул),
Я с этой девицей не был знаком,
Я ей подмигнул и пошел напролом.
В углу стоял одинокий стул.

Все это — свет луны вдалеке
(Мы, может, курим, а может, пьем),
Я имя сменил и ушел налегке.
Полковник не вышел тогда из пике.
Печальный стул завален тряпьем.

Все это наше на нем тряпье
(Штабы́ и во сне не видали ракет),
Я понимаю — кругом вранье,
Зло не чужое, добро не мое,
Ничего, кроме тряпок, на стуле нет.

Все это так, как велел приказ
(Кто уже бѣз вести, кто еще цел),
Я дал трассирующими на глаз,
Со стулом комната взорвалась,
Ты нахлесталась, я протрезвел.

Все лишь мечта, и по ней мы бьем.
На стуле призрак при слабых звездах,
На стуле, заваленном нашим тряпьем.
Я чмокнул труп и ушел живьем,
И снова поднял машину в воздух.

Все это сон, смотри — не проснись!
(Полковник приходит, полковник уходит.)
За то, что на Токио сверху вниз
Звезды и полосы полились,
Меня медалью облагородят.

Все тихо, только снежинки летят
(Тодзио пляшет в петле — за всех),
Мы молотом били, мы били в набат,
И лишь потому это был не ад,
Что мы победили — тогда и тех.

Все лишь торгово-победный гул
(Пляшущих висельников торжество),
И наш печальный, единственный стул —
О если бы я на него взглянул,
И я загрустил бы — но что с того?

*У. Т. Скотту с благодарностью
за стихотворение*

Уин, спасибо за стихи. В них есть
зеленый мир. Не просто куст в ложине.
Расставить рифмы — небольшая честь:
нет радости — пиши о «птице синей»,
нет темы — «сеновал» сойдет в припеве,
нет мысли — об «иссохшем» вспомни «древе».

Но подлинная зелень столь мгновенна,
ее увидеть может человек
в последний час. В зрачках у Марка Твена
кружилась зелень. Джим, а может — Гек
мелькали в ней. Она пришла к нему
с улыбкой, вздохом и ушла во тьму.

Но мир его был зелен, беспределен.
Утратив мир — и Бог бы грустил,
ведь этот мир хорош. Но смертна зелень,
и только пальцы из последних сил
перебирают прошлое привычно.
Кто видит прошлое — спасен. Первична

такая зелень. И в творенье Торо
не «Жизнь в лесах», а мысль свершает чудо.
Богаче всех щедрот — цветенье взора:
здесь поделили силы Бог и Будда.
Пульс обнажен, и все же ум крылат,
но главное — вмещалось лишь во взгляд.

Господь! Каким же был он богачом,
впивая зелень, — обречен кончине,
как папоротник, солнечным лучом,
под щебет птиц, среди снегов в долине,
иссушенный. Но это ничего,
покуда зримый мир жил для него.

Да, это зелень. Мыслящий колосс,
Уитмен, ты: «Что мы зовем морями?»
Ты, Генри Джеймс, кого томил вопрос
в пути ночном: «Что за страна над нами?»
Ты, Мелвилл: «Что же мной завершено,
в чем зелени остаться суждено?»

Свершилось все. Вот море, вот страна.
В сознанье мир — все шире, все безбрежней.
Такая чаща вечно зелена,
в ней мысль блуждает снова с силой прежней.
Таков, Уин, последний шум лесной —
творенье человека — день восьмой.

Волкам сюда не стоит приходить

Волки, конечно, сюда не придут.
Поезд прибудет на станцию эту
в девять часов и десять минут.
Здесь много воздуха, много света,
клены, дубы — то там, то тут.
Улица тянется под горой.
Домикам скоро второе столетье.
Сразу за первым поселком — второй,
в зелени яркой и солнечном свете.
Полны купальни проточной воды;
волк не посмеет обнюхать штакетник —
это немисливо. Школы, сады.
Рядом — соседи на стульчиках летних
в чашки бросают кубики льда.
Волки сюда не придут никогда.

Власть песни

Есть некий принцип в пенье птицы:
есть нечто, что начнет расти —
и песнь умрет. И не спасти
ее, когда она стремится
перемахнуть свои границы,
летя по ложному пути.
Чтоб трепет в песне донести,
не силой должен ты гордиться.

Другому следуя закону,
тяжелым птицам наперед
заказан в облака полет.
Не рвись без крыльев к небосклону —
ни песни не создашь, ни стона.
Отвергни мастерство — и вот
все то, что на земле поет,
тебя отринет непреклонно.

Возможности

Сверхновая прошла по небесам,
сияя, как луна, — тому с неделю
(конечно, по космическим часам).
В болотах динозавры не успели
воспеть ее — она уже зашла.
Мой пращур высунул тупое рыло,
сойдя с палеозойского ствола,
лишь только утро чашу озарило.
Вчера он начал говорить. Потом
он Бога выдумал. Потом — Сомнение.

Я — медленнее пращура. Притом
он лишь неделю верит в провиденье,
и преисполнен верой в этот миг,
отбитый по космическим часам.
Он может изучить чужой язык:
еще не время сечься волосам,
не время тьме ночной смениться днем,
не время обезьяне сдохнуть в нем.

Примечания

Тодзио — японский военный преступник.

Об авторах

ЧИАРДИ, ДЖОН (CIARDI, JOHN). Род. в Бостоне в 1916 г., окончил колледж в Массачусетсе, затем Мичиганский университет (1939). В 1942—1945 гг. служил в авиации. Около 20 лет преподавал в различных университетах; с 1956 г. — директор летнего Литературного института; он член Американской академии искусств и литературы и Американской академии искусств и наук. Чиарди опубликовал более 10 поэтических сборников, среди них — «Домой в Америку» (*“Homeward to America”*, 1940), «Другие небеса» (*“Other Skies”*, 1947), «От времени до времени» (*“From Time to Time”*, 1951), «39 стихотворений» (*“39 Poems”*, 1959), «Человек человеку» (*“A Person to Person”*, 1964), «Алфавит зверей» (*“An Alphabestiary”*, 1967). Он известен также как автор многих книг стихов для детей и переводчик «Божественной комедии» Данте.

Содержание

Прибывающий домой поездом в пять двадцать две.	
<i>Перевод Е. Витковского</i>	327
Лица. <i>Перевод А. Сергеева</i>	329
Говорит завоеватель. <i>Перевод А. Сергеева</i>	330
Стул, заваленный нашим тряпьем. <i>Перевод А. Сергеева</i>	330
У. Т. Скотту с благодарностью за стихотворение.	
<i>Перевод Е. Витковского</i>	333
Волкам сюда не стоит приходить. <i>Перевод Е. Витковского</i>	334
Власть песни. <i>Перевод Е. Витковского</i>	334
Возможности. <i>Перевод Е. Витковского</i>	335